

ISSN: 2181-9416

ЮРИСТ АХБОРОТНОМАСИ

ВЕСТНИК ЮРИСТА * LAWYER HERALD

ҲУҚУҚИЙ, ИЖТИМОИЙ, ИЛМИЙ-АМАЛИЙ ЖУРНАЛ

CYBERLENINKA

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

ISSN 2181-9416
Doi Journal 10.26739/2181-9416

ЮРИСТ АХБОРОТНОМАСИ

3 СОН, 4 ЖИЛД

ВЕСТНИК ЮРИСТА

НОМЕР 3, ВЫПУСК 4

LAWYER HERALD

VOLUME 3, ISSUE 4

TOSHKENT-2024

Мундарижа

ДАВЛАТ ВА ҲУҚУҚ НАЗАРИЯСИ ВА ТАРИХИ. ҲУҚУҚИЙ ТАЪЛИМОТЛАР ТАРИХИ

1. АЗИЗОВ Нигмонжон Пардаевич

МАНУ ҚОНУНЛАРИДА ОДИЛ СУДЛОВНИ АМАЛГА ОШИРИШ МАСАЛАЛАРИНИНГ
ИФОДАЛАНИШИ 8

ФУҚАРОЛИК ҲУҚУҚИ. ТАДБИРКОРЛИК ҲУҚУҚИ. ОИЛА ҲУҚУҚИ. ХАЛҚАРО ХУСУСИЙ ҲУҚУҚ

2. ДЖУМАНОВ Аскар Хасанович

ПЕРСПЕКТИВА ПРИМЕНЕНИЯ ДОГОВОРА ПРОСТОГО ТОВАРИЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ
УЗБЕКИСТАН..... 15

3. ОКЮЛОВ Омонбой

ЖАҲОН САВДО ТАШКИЛОТИ ДУНЁ БОЗОРИНИНГ ИҚТИСОДИЙ-ҲУҚУҚИЙ
МАКОНИ СИФАТИДА 22

4. ЮЛДАШОВ Абдумумин Абдугопирович

МАЖБУРИЙ ЛИЦЕНЗИЯНИНГ ҲУҚУҚИЙ ТАБИАТИ:
МУАЛЛИФЛИК ҲУҚУҚИ ВА САНОАТ МУЛКИ ОБЪЕКТЛАРИ МИСОЛИДА 34

5. Д-р Ольга ГУРГУЛА, ТИЛЛАБОЕВ Шохрухбек

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ ЛИЦЕНЗИИ, КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ТРАНСФЕРА
ТЕХНОЛОГИЙ..... 41

МЕҲНАТ ҲУҚУҚИ. ИЖТИМОЙ ТАЪМИНОТ ҲУҚУҚИ

6. BEGATOV Jasurbek Numonjanovich

МЕҲНАТ МУНОСАБАТЛАРИДА КАМСИТИШНИ ТАҚИQLАШ ТАМОЙИЛИНИ АМАЛГА
ОШИРИШДА ДАВЛАТ ОРГАНЛАРИНИНГ РОЛИ ВА АНАМИЯТИ..... 47

7. РАХМАТОВ Мирсаид Озаматович

КАДРЛАРНИ ТАНЛАШ ВА ИШГА ЖОЙЛАШТИРИШНИНГ ҲУҚУҚИЙ МАСАЛАЛАРИ 55

СУД ҲОКИМИЯТИ. ПРОКУРОР НАЗОРАТИ. ҲУҚУҚНИ МУҲОФАЗА ҚИЛИШ ФАОЛИЯТИНИ ТАШКИЛ ЭТИШ

8. ИБРОХИМОВ Бахтиёр Тойиржонович

ИДОРАВИЙ НАЗОРАТ, ПРОКУРОР НАЗОРАТ ВА СУД НАЗОРАТИ ЎРТАСИДАГИ ЎЗАРО
МУТАНОСИБЛИГИНИНГ ЎЗИГА ХОС ЖИҲАТЛАРИ 64

ЖИНОЯТ ҲУҚУҚИ, ҲУҚУҚБУЗАРЛИКЛАРНИНГ ОЛДИНИ ОЛИШ. КРИМИНОЛОГИЯ. ЖИНОЯТ-ИЖРОИЯ ҲУҚУҚИ

9. УТЕМУРАТОВА Сапаргул Шамшетовна

ЭКОЛОГИЯ СОҲАСИДАГИ ЖИНОЯТЛАР
СУБЪЕКТИ СИФАТИДА – ЮРИДИК ШАХСЛАР 71

10. АКБАРОВ Саидакбархон Рустам уғли ҲУҚУҚБУЗАРЛИКЛАР ПРОФИЛАКТИКАСИ ВА ЖИНОЯТЧИЛИККА ҚАРШИ КУРАШ СОҲАСИДАГИ ИСЛОҲОТЛАР ҲАМДА СОҲАДАГИ АЙРИМ МУАММОЛАРНИ БАРТАРАФ ЭТИШ МАСАЛАЛАРИ	78
---	----

ХАЛҚАРО ҲУҚУҚ ВА ИНСОН ҲУҚУҚЛАРИ

11. ФАЙЗУЛЛАЕВА Нигорахон Равшановна СУБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРАВА И ИХ МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ	90
--	----

12. РАКНИМОВА Muattara ISSUES OF ACHIEVEMENT OF GENDER EQUALITY: SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOAL No. 5	99
--	----

13. ХУДЖАМОВА Камола Акмал кизи ПРАВОВАЯ ОСНОВА ТРЕБОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНВЕНЦИИ О ЛИКВИДАЦИИ ВСЕХ ФОРМ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	105
---	-----

ҲУҚУҚИЙ АМАЛИЁТ ВА ХОРИЖИЙ ТАЖРИБА

14. URINBOYEV Rustamjon LIVING LAW AND ANTI-CORRUPTION IN UZBEKISTAN	116
--	-----

ЮРИСТ АХБОРОТНОМАСИ ВЕСТНИК ЮРИСТА LAWYER HERALD

ХАЛҚАРО ҲУҚУҚ ВА ИНСОН ҲУҚУҚЛАРИ

ФАЙЗУЛЛАЕВА Нигорахон Равшановна

Старший преподаватель кафедры «Международное публичное право и государственно-правовые дисциплины» Университета мировой экономики и дипломатии, доктор философии по юридическим наукам (PhD)
E-mail: fnigora@mail.ru

СУБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРАВА И ИХ МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ

For citation (иктибос келтириш учун, для цитирования): ФАЙЗУЛЛАЕВА Н. Субъекты международного культурного права и их международная правосубъектность // Юрист ахборотномаси – Вестник юриста – Lawyer herald. № 3 (2024) С. 90-98.

 3 (2024) DOI <http://dx.doi.org/10.26739/2181-9416-2024-3-11>

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье раскрыта сущность и международная правосубъектность субъектов международного культурного права. В статье охарактеризованы разновидности субъектов международного культурного права: раскрыта международная правосубъектность, состав правосубъектности и его объем. С точки зрения объективного анализа раскрыты становление субъектности отдельных категорий субъектов международного культурного права; обращено особое внимание на границы их возможной правосубъектности. Проведенный анализ позволил выделить ряд теоретических выводов и прикладных рекомендаций.

Ключевые слова: международное культурное право, субъекты, правосубъектность, правоотношения, правоспособность, дееспособность, деликтоспособность, сделкоспособность, государства, международные организации, Узбекистан.

FAYZULLAYEVA Nigoraxon

Senior Lecturer of the University of World Economy and Diplomacy,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law
E-mail: fnigora@mail.ru

ANNOTATION

This article reveals the essence and international legal personality of subjects of international cultural law. The article characterizes the types of subjects of international cultural law: it reveals international legal personality, the composition of legal personality and its scope. From the point of view of objective analysis, the formation of subjectivity of certain categories of subjects of international cultural law is revealed; Special attention is paid to the boundaries of their possible legal personality. The analysis made it possible to identify a number of theoretical

conclusions and applied recommendations.

Keywords: international cultural law, subjects, legal personality, legal relations, legal capacity, legal capacity, delictual capacity, transaction capacity, states, international organizations, Uzbekistan.

FAYZULLAYEVA Nigoraxon

Jahon iqtisodiyoti va diplomatiya universiteti
Xalqaro huquq va ommaviy huquq fanlari kafedrası
katta o'qituvchisi, юридик фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD)
E-mail: fnigora@mail.ru

ANNOTATSIYA

Ushbu maqolada xalqaro madaniy huquq subyektlarining mohiyati va xalqaro huquq subyekti ochib berilgan. Maqolada xalqaro madaniy huquq subyektlarining turlari tasvirlangan: xalqaro huquq subyekti, huquq subyektlarining tarkibi va uning hajmi ochib berilgan. Obyektiv tahlil nuqtai nazaridan xalqaro madaniy huquq subyektlarining ayrim toifalari subyektivligining shakllanishi ochib berilgan; ularning mumkin bo'lgan huquqiy subyektlarining chegaralariga alohida e'tibor qaratildi. Tahlil bir qator nazariy xulosalar va amaliy tavsiyalarni ajratishga imkon berdi.

Kalit so'zlar: xalqaro madaniy huquq, subyektlar, huquq subyekti, huquqiy munosabatlar, huquqiy layoqat, muomila layoqat, qiynoq, bitim tuzish qobiliyati, davlatlar, xalqaro tashkilotlar, O'zbekiston.

Международное культурное право характеризуется тем, что его участники обладают особым статусом, в связи с чем, можно вести речь о правосубъектности субъектов международного культурного права. Субъекты международного культурного права – это стороны международных культурных правоотношений, наделенные нормами международного культурного права юридическими правами и субъективными обязательствами. Отсюда следует, что *субъекты международного культурного права – это участники международных культурных правоотношений, обладающие правами и обязанностями, которые установлены международным культурным правом.*

Сочетание международной правосубъектности с правами и обязанностями участника реальных международных культурных правоотношений образует понятие юридического статуса (правового положения) соответствующего актора¹, что позволяет подразделять множество субъектов международного культурных права на ограниченное число категорий – суверенные государства, народы и нации, борющиеся за свою независимость, национально-освободительные движения, международные межгосударственные (межправительственные) организаци, государственноподобные [1, С.57-62] образования, а также физические и юридические лица, объем международной правосубъектности которых существенно ограничен по сравнению с четырьмя первыми категориями акторов [2].

Субъекты международного культурных права должны обладать юридической способностью самостоятельно участвовать в урегулированных международным правом культурных отношениях, самостоятельно осуществлять свои права и обязанности, установленные международным культурных правом, непосредственно вступать во взаимодействие с другими субъектами международного культурных права. Не находясь под чьей-либо юрисдикцией, субъекты международного культурных права подчинены в своих действиях международному, а не национально-правовому порядку. Для всех субъектов международного культурных права как коллективных образований

¹ В качестве синонима понятия «субъект международного права» в международных отношениях часто используется термин «актор» (от латинского «actus» – поступок, действие, деяние).

характерно органическое единство международной правоспособности и дееспособности. Категория недееспособных субъектов международного культурных права неизвестна. Поэтому при регламентации международно-правового статуса субъекта обычно применяется термин «правоспособность». Так, в ст. 6 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. говорится, что «каждое государство обладает правоспособностью заключать договоры» [3]. Сказанное позволяет говорить о наличии у субъектов международного культурных права правоспособности, дееспособности, деликтоспособности, а также сделкоспособности [4].

Содержание и объем международной правоспособности того или иного субъекта международного культурных права определяется совокупностью тех прав и обязанностей, которыми он наделен в соответствии с международным культурным правом. Эта совокупность складывается из: общих прав и обязанностей, присущих всем субъектам в силу норм общего международного права; специфических прав и обязанностей данной разновидности субъектов международного культурного права, прав и обязанностей данного субъекта (например, какого-то конкретного государства), установленных в двусторонних и многосторонних договорах и соглашениях, участником которых он является. Важно подчеркнуть, что права и обязанности, присущие всем субъектам международного культурного права, определяются в соответствии с основными принципами международного права; эти «общесубъектные» права и обязанности конкретизируются с учетом специфики международного статуса той или иной разновидности субъектов либо статуса определенного, взятого в отдельности субъекта международного культурного права [5].

Понятие субъекта международного культурного права непосредственно связано с оценкой предмета международно-правового регулирования.

Традиционное представление о международном культурного праве как регуляторе исключительно международных, межгосударственных отношений породило «привязку» субъектов только к этим отношениям. Иначе говоря, только участники указанных отношений могли претендовать на статус международной правосубъектности.

Соответственно получило распространение особое понимание субъекта международного культурного права, отличающееся от понятия субъекта в общей теории права.

Общетеоретическое определение субъекта права сопряжено с констатацией субъективного права участия в отношениях, регулируемых правовыми нормами. Соответственно носители прав и обязанностей, установленных правовыми нормами, характеризуются как субъекты права.

В теории международного права сложилась концепция особого статуса его субъектов. При таком подходе способность участвовать в отношениях, регулируемых международно-правовыми нормами, рассматривается как предпосылка, но не главная черта субъекта.

Основное свойство субъекта – юридическая способность к самостоятельным международным действиям, включая создание согласованных международно-правовых норм, к независимому осуществлению прав и обязанностей, установленных этими нормами. Отличительные черты субъектов международного права, согласно этой концепции, выражаются в том, что они не находятся под чьей-либо властью и юрисдикцией, занимают независимое относительно друг друга положение [6].

Такой особый статус признавался, прежде всего, за государствами, поскольку речь шла об участниках межгосударственных отношений, а также за определенными международными (межгосударственными) организациями, государствовидными образованиями, нациями и народами, борющимися против колониализма, за создание собственных государств.

Поскольку физические лица (индивиды) и юридические лица (хозяйствующие субъекты), находясь под властью и юрисдикцией соответствующих государств, не обладают независимым положением в международных отношениях, их самостоятельный

международно-правовой статус отрицался, они не признавались субъектами международного права.

Современная ситуация, ознаменовавшаяся существенными переменами в самой структуре международных отношений и соответственно в предмете международно-правового регулирования, побудила теорию международного права к изменению взглядов при оценке понятия и видов субъектов международного культурного права.

Нет ничего неожиданного или противоестественного в эволюции самих международных отношений и перемене подхода к субъектам. Дело в том, что в течение длительного времени статус субъекта признавался только за государствами, а необходимым свойством субъекта считался государственный суверенитет.

Современная правовая система, будь то национальная или международная, состоит из совокупности отдельных отраслей. Каждая отрасль права – конституционное право, гражданское право, уголовное право, семейное право и др. в своем названии исходят из предмета правового регулирования, т.е. сферы правового регулирования [7]. Только название международного права не несет сферовой принадлежности, а указывает на основного субъекта международно-правовых отношений – на государств. Таким образом, государства являются не только основными субъектами международного культурного права, но и основным системобразующим элементом всей международной системы.

Не без усилий международным межправительственным организациям и особенно борющимся за независимость нациям удалось завоевать «место под солнцем», получить признание в качестве субъектов международного права. Соответственно совершенствовалась трактовка понятия субъекта, к которому уже не предъявлялось требование обладания государственным суверенитетом. Однако общие условия еще сохранялись.

В настоящее время существуют два подхода к понятию субъекта международного права и, следовательно, к характеристике конкретных категорий субъектов.

Первый – традиционный и более распространенный и в наши дни.

Второй представлен более скромными попытками распространить на международное право, и как следствие на международное культурное право, понимание субъекта права, принятое в общей теории права, т.е. идентифицировать понятие субъекта международного культурного права с юридической возможностью участия в правоотношениях, регулируемых международно-правовыми нормами, и обладания необходимыми для этого правами и обязанностями. Иначе говоря, освободить понимание субъекта международного культурного права от чрезмерных условий, выраженных в требовании особого, полностью самостоятельного международно-правового статуса и способности к равноправному участию в создании норм и к независимому, свободному от чьей-либо юрисдикции их осуществлению.

Если же мы в соответствии с современной трактовкой предмета международно-правового регулирования примем характеристику субъекта международного культурного права как действующего или возможного участника отношений, регулируемых международно-правовыми нормами, как носителя установленных этими нормами прав и обязанностей, то признаем и связанную с этим подходом реальность вхождения в сферу такого рода отношений новых участников – юридических лиц, физических лиц (индивидов), международных хозяйственных объединений и неправительственных организаций, а также – в пределах, допускаемых внутригосударственным конституционным и иным законодательством, – составных частей отдельных, прежде всего федеративных, государств.

Интересное мнение было высказано еще в 1949 г. в одном из консультативных заключений Международного Суда ООН:

«... субъекты права, в той или иной юридической системе, не являются обязательно идентичными, поскольку идет речь об их природе или объеме их прав» [8]. И хотя это суждение в конкретной ситуации относилось к правосубъектности ООН, оно, по существу, имеет общее значение.

О дифференциации объема и характера прав будет сказано ниже. Что же касается различий природы тех или иных субъектов, то в литературе принято деление традиционных субъектов международного права на две основные категории – основные (первичные) и производные (вторичные).

Категорию основных (первичных) субъектов составляют, прежде всего, и главным образом государства, обладающие государственным суверенитетом и приобретающие в силу своего возникновения (образования) международную правосубъектность, не обусловленную чьей-либо внешней волей и имеющую всеобъемлющий характер.

Категория производных (вторичных) субъектов – это преимущественно международные межправительственные организации. Специфика их юридической природы выражается, во-первых, в том, что они порождены – именно как субъекты международного права – волеизъявлением государств, зафиксировавших свое решение в учредительном акте (следовательно, их правосубъектность является производной, обусловленной), а во-вторых, в том, что содержание и объем их правового статуса определены в учредительном акте в точном соответствии с предназначением и функциями каждой организации [9]. С некоторыми оговорками к этой же категории принято относить так называемые государствовподобные образования, т.е. особые исторически сложившиеся политико-религиозные или политико-территориальные единицы с относительно самостоятельным статусом.

Специальное положение в ряду субъектов международного культурного права занимают нации и народы, борющиеся против колониализма, иностранного господства, за создание собственного государства на базе национального суверенитета.

Вопрос о статусе и видах нетрадиционных субъектов решается, даже при признании их международной правосубъектности, неоднозначно. И все же можно назвать несколько таких субъектов. Их участие в правоотношениях, регулируемых международно-правовыми нормами, и, следовательно, статус как носителей определенных международных прав и обязанностей представляются вполне реальными. Это международные неправительственные организации, международные хозяйственные объединения (ТНК), национальные юридические лица и индивиды (физические лица). С учетом полномочий, предусмотренных конституциями отдельных, прежде всего федеративных, государств, определенным международно-правовым статусом характеризуются составные части этих государств.

Имеется достаточно оснований для разграничения в международно-правовой системе правосоздающих субъектов и правоприменяющих субъектов. Если говорить точнее, то разграничиваются:

- 1) субъекты правосоздающие и вместе с тем правоприменяющие
- 2) субъекты только правоприменяющие, но не обладающие нормотворческой способностью.

К первой категории относятся государства, международные организации, в меньшей мере – государствовподобные образования и борющиеся нации; ко второй – индивиды, хозяйствующие субъекты и другие юридические лица, международные хозяйственные объединения и неправительственные организации.

Иначе говоря, круг реализующих нормы международного культурного права значительно шире круга создающих эти нормы. После разработки, подписания и вступления в силу международного договора к его выполнению и к обеспечению его выполнения – наряду с органами и должностными лицами, участвовавшими в процессе заключения договора, – подключаются органы и должностные лица, функции которых так или иначе связаны с предметом договорной регламентации. Если учесть и других участников правоприменительного процесса, названных выше, то можно констатировать, что договор действует и вне системы государственной власти.

По примеру национального права, возможно, деление субъектов по отраслевому признаку. Если субъекты конституционного права – это не то же самое, что субъекты гражданского права, а последние в свою очередь не тождественны субъектам

административного или уголовного права (при этом имеются в виду не только и, может быть, не столько категории и наименования, сколько особенности правового статуса), то почему не признать, что субъекты дипломатического и консульского права – это не то же самое, что субъекты права международных организаций или тем более субъекты международного гуманитарного права (и здесь решающее значение имеет оценка особенностей правового статуса соответствующих субъектов).

Отметим, что вопрос о расширении круга субъектов международного права, и как следствие международного культурного права вызывает острую полемику среди ученых – юристов. Включение в этот круг индивидов, транснациональных корпораций (ТНК), коренных народов и национальных меньшинств находит много приверженцев этой идеи, но и много противников. Так, С.А. Гуреев пишет: «... нельзя согласиться с мнением некоторых российских авторов, пытающихся обосновать международную правосубъектность индивидов и юридических лиц. Последние являются, несомненно, субъектами, но не международного, а внутригосударственного права» [10, С.323].

С.А. Гуреев подчеркивает, что все субъекты международного права должны обладать следующими общими признаками:

- 1) международная правосубъектность, включая право заключать международные договоры и создавать нормы международного права;
- 2) право этих субъектов устанавливать между собой дипломатические отношения, либо право государств открывать свои представительства при межправительственных организациях;
- 3) право дипломатических представительств государств на иммунитеты, либо право на иммунитеты межправительственных организаций [10].

Проблему иных субъектов международного права освещает И.И. Лукашук. Он пишет: «Нет сомнений в том, что появление в международном праве отрасли, посвященной правам человека, представляет собой революционное событие. Оно имеет огромное значение как для международного, так и для внутреннего права государств. «Индивид едва ли смог бы пользоваться своими правами наряду с государствами» [11, С. 27].

И.И. Лукашук также отвергает идею признания статуса субъекта международного права за крупными корпорациями (ТНК): «Транснациональные корпорации заинтересованы в создании особого права, которое бы формировалось ими и осуществлялось при помощи ими же созданного механизма. Отсюда вытекают концепции «квазимеждународного права». «... деятельность ТНК может и должна регулироваться путем взаимодействия международного и национального права» [11, С. 30].

Вопрос о международной правосубъектности ТНК поднимался многими учеными. Так, Американским институтом права признается международная правосубъектность индивида и корпораций, однако при этом делается оговорка: «Хотя индивиды и корпорации обладают некоторым независимым статусом в международном плане, основные отношения между индивидами и международным правом все еще проходят через государство» [12].

Исторически международное право сложилось как межгосударственное право, каковым и является в настоящее время. Но на сегодняшний день тенденция развития международных отношений такова, что государства принимают все чаще нормы, адресованные неправительственным организациям и индивидам. Причем, если ранее международные нормы применялись к физическим лицам и корпорациям опосредованно, с помощью норм национального права, то в настоящее время растет число международно-правовых документов, которые имеют прямое действие. Такие договоры наделяют физических лиц и корпораций не только новыми правами и обязанностями, но и дают им возможность требовать от собственных государств их соблюдения.

Изложенное выше позволяет прийти к выводу о необходимости пересмотра традиционного для отечественной международной доктрины определения субъекта международного права, и как следствие, международного культурного

права, в основу которого положены признаки самостоятельности и независимости носителей международной правосубъектности, а также их способность участвовать в международном нормотворческом процессе. Всяческой поддержки, в связи с этим заслуживает точка зрения Г.В. Игнатенко, который призывает «освободить понимание субъекта международного права от чрезмерных условий, выраженных в требовании особого, полностью самостоятельного международно-правового статуса и способности к равноправному участию в создании норм и к независимому, свободному от чьей-либо юрисдикции их осуществлению [13, С. 46].

На наш взгляд, в соответствии с современной трактовкой предмета международно-правового регулирования, более близким к действительности представляется определение субъекта международного культурного права как участника международных культурных отношений, обладающего правами и обязанностями, непосредственно предоставляемыми или возлагаемыми на него международно-правовыми нормами. При этом традиционное подразделение субъектов на первичные и производные необходимо дополнить их разграничением на субъекты, наделенные нормотворческой функцией, и субъекты, ею не обладающие. Как отмечает Я.С. Кожеуров, «точно также как суверенные права и обязанности выступают критерием для выделения основных и неосновных субъектов международного права, первичных и производных, единственное значение правотворческих субъективных прав... должно заключаться в том, чтобы служить основанием для разграничения правосоздающих и правореализующих субъектов международного права...» [14].

К числу последней разновидности субъектов международного культурного права, помимо физических лиц, могут быть также отнесены международные неправительственные организации, международные хозяйственные объединения и юридические лица отдельных государств (включая ТНК), которым международно-правовыми нормами непосредственно предоставлены права или на которые возложены обязанности, имеющие юридически значимое содержание и признаваемые государствами официальные последствия их осуществления [13].

По поводу определения субъекта в науке международного права нет единого мнения в «суммировании» общеобязательных элементов. Так, например, Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова относят к числу субъектов «участников международных отношений, которые обладают правами и обязанностями, непосредственно вытекающими из международного правопорядка» [15, С.77]. По их мнению, международная правосубъектность тождественна международной дееспособности и выражается, «с одной стороны, в способности субъекта международного права реализовывать свои права и обязанности посредством прямого участия в международных отношениях, и с другой – в его подчиненности международному правопорядку» [15]. С.В. Черниченко, обобщая различные определения понятия «субъект международного права», полагает, что субъект международного права – это носитель международных прав и (или) обязанностей. При этом важно, что права и обязанности возникают у актора в собирательном смысле в результате распространения на него действия каких-либо норм международного права либо индивидуальных предписаний, дозволений и запретов, содержащихся в международно-правовых актах. Таким образом, субъект международного права – участник, подчиняющийся непосредственному воздействию норм международного права либо предписаний, дозволений и запретов, содержащихся в международно-правовых актах индивидуального характера. Представляется обоснованным, что субъект международного права – это «лицо, которое участвует или может участвовать в международных правоотношениях в пределах субъективных прав и обязанностей, возникших как результат непосредственного воздействия на него международного права» [16].

Действительно, по данному вопросу, международная правосубъектность «это и подчиняемость прямому воздействию международного права («подпадаемость» под его действие), и обладание международными правами и (или) обязанностями

(подчиняемость прямому воздействию международного права выражается именно в этом), и «регулируемость» поведения лица непосредственно международным правом, и способность участвовать в международных правоотношениях».

Специфическая «триада» характеристик любого субъекта международного культурного права – правоспособность, дееспособность, деликтоспособность, – на наш взгляд, также является необходимой основой для выделения объективных границ международной правосубъектности, хотя, в большинстве случаев, на практике имеет место положение о том, что «в международном праве обычно этот вопрос не возникает из-за совпадения право и дееспособности» [16, С.74]. Это тем более очевидно, поскольку само международное право презюмирует способность его акторов осуществлять принадлежащие им права и обязанности, включая возможность их осуществления с момента приобретения качеств субъектов международного права.

Набор общеобязательных элементов, следующих после дефиниции субъекта международного культурного права, для очерчивания его правовой сущности, в доктрине также не был единым. Виднейшие представители отечественной школы юристов – международников выделяют четыре таких элемента. Они сводятся к следующим характеристикам международной правосубъектности:

- 1) известная внешняя обособленность;
- 2) персонификация (выступление в международных отношениях в виде единого лица);
- 3) способность вырабатывать, выражать и осуществлять автономную волю;
- 4) участвовать в принятии норм международного права.

Основная полемика развернулась по поводу общеобязательности всех этих четырех компонентов для констатации международной правосубъектности актора [17].

Предполагались различные модификации характеристики субъекта из приведенных элементов, однако наибольшее число разногласий возникло по поводу последнего из перечисленных элементов, уже в 60-70 – е годы прошлого столетия, разделившего юристов-международников на два противоположных лагеря. Концепция сторонников обязательного признания вышеназванного «четвертого элемента» базировалась на утверждении, согласно которому непременным элементом международной правосубъектности любого актора международных отношений, является право заключать международные договоры [18].

Существование рассуждений по данному вопросу многих авторов четко сформулировано М.А. Нуделем: «Другие элементы правоспособности могут наличествовать у одних видов субъектов международного права и отсутствовать у других, что, однако, не лишает последних качества международной правосубъектности... А без самостоятельного права на заключение международных договоров существование субъекта международного права немыслимо. Ни одно из действующих в настоящее время международных соглашений не предусматривает такого права для физических лиц...». Очевидно, что «камнем преткновения» послужила концепция сторонников наделения индивида некоторыми чертами международной правосубъектности в середине XX века, а в конце XX - начале XXI в.в. не только «признание у индивида качеств субъекта международного права», то есть на данный момент признания его в качестве пока еще «нетрадиционного», формирующегося субъекта международного права.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что правосубъектность – общая, абстрактная способность лица иметь права и обязанности, участвовать в правоотношениях.

Правосубъектность означает предпосылку, возможность обладания субъективными правами, а уже сами субъективные права означают возможность и меру определенного поведения лица, возможность требовать какого-либо поведения от других лиц, гарантированную путем возложения корреспондирующих обязанностей на других лиц.

Международное культурное право воспринимает множественность субъектов общего международного права. Международное культурное право, шагая вперед нежели международное публичное право, определенным образом признает международную правосубъектность индивидов (филантропов), ТНК (различных благотворительных фондов, трастов, корпораций, музеев, библиотек, аукционных домов – Сотбис (Sotheby's), Кристис (Christie's), Бонхамс (Bonhams), Доротеум (Dorotheum), МакДуглас (MacDougall's), Упсала (Uppsala Auktionskammare), Буковскис (Bukowskis) и ряда др.).

Иқтибослар/Сноски/References:

1. Международное право / Под ред. Ю.М. Колосова и В.И. Кузнецова. – М., 1998. – С. 57, 62.
2. Рахманов, Ш.. Трансформация внешней политики и внешнеполитических ориентиров Республики Узбекистан и таргетирование дипломатического права международных организаций. *SDU University Bulletin: Social Sciences*, [S.l.], v. 53, n. 2, p. 50-63, dec. 2020. ISSN 2709-2410. Available at: <<https://journals.sdu.edu.kz/index.php/ss/article/view/326>>.
3. Международное право в документах. – М.: Международные отношения, 1982. – С. 71.
4. Ochilov B.E., Odilqoriev Kh.T. Xalqaro ommaviy huquq: Oliy o'quv yurtlari uchun darslik. – Т.: Adolat, 2007. – В. 56.
5. Международное публичное право: Учебник / Отв. ред. д.ю.н. Х.Т. Адилкариев. – Т.: «Zarqalam»; ТГЮИ; ЦИПЧГП, 2003. – С. 87.
6. Международное право / Отв. ред. Г. И. Тункин. – М., 1982. – С. 81-82.
7. Сафарова Ш. International standards concerning education in the field of human rights and their significance in the contemporary period // Юридик фанлар ахборотномаси. – 2019. – №. 1. – С. 59-63.
8. Крылов С.Б. Международный Суд Организации Объединенных Наций. – М., 1958. – С. 61.
9. Муравьев В.И. Международные организации – специфические субъекты международного права: Учебное пособие для спец. 06.01. – Киев: Киевский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко, 1990.
10. Гуреев С.А. К вопросу о субъектах международного права // Российский ежегодник международного права. – СПб, 2001.
11. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. 2-е издание. – М., 2001.
12. Restatement of the Law. The Foreign Relations Law of the United States. – New York, 1994. – Vol. 1. – P. 71.
13. Международное право. Учебник для вузов. / Отв. ред. проф. Г.В. Игнатенко и проф. О.И. Тиунов. – М.: Бек, 2001.
14. Кожеуров Я. С. О международной правосубъектности индивида // *Lex Russica*. Научные труды МПОА. – М, 2004. – № 2. – С. 494.
15. Колосов Ю.М., Кривчикова Э.С. Международное право: Учебник. – М.: Международные отношения, 2000. – С. 77.
16. Черниченко С.В. Теория международного права. Т.1. – М.:1999.
17. «Международное публичное права» под ред. проф. Бекашева К.А. – М., 2004.
18. Фельдман Д.И., Курдюков Г.И. Основные тенденции развития международной правосубъектности. – Казань, 1974. – С. 127-128.